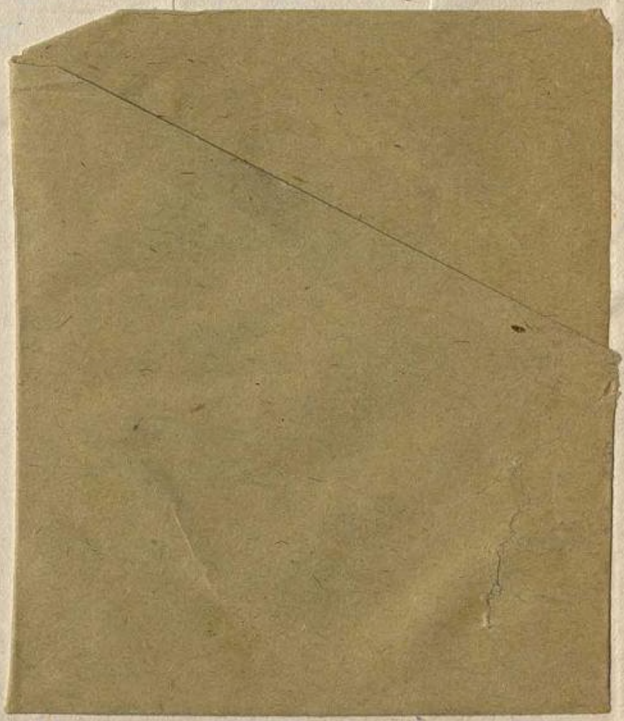
J 60/154

Некрасов.



стр. вск 16/9-87.

НЕ КОПИРОВАТЬ

160
154

Логика мудрыхъ людей и мораль.

(Отвѣтъ В. А. Гольцеву.)

Помѣщенный въ 68 книгѣ: «*Вопросы философіи и психологіи*» отвѣтъ на возраженіе В. А. Гольцева по поводу моихъ изслѣдованій, касающихся философскихъ и логическихъ основаній *соціальной физики*, вызвалъ новое съ его стороны возраженіе, напечатанное въ 69 книгѣ того же журнала. Постараюсь дать отвѣтъ и на это возраженіе.

1. Оставаясь при своемъ мнѣніи, что Лапласъ былъ противникомъ свободы воли (libre arbitre), оппонентъ приводитъ взглядъ Шопенгауэра: «*подчиненная мотивамъ* свобода воли есть *несвобода воли*». Считая этотъ взглядъ ошибочнымъ, прибавлю къ прежде сдѣланнымъ разъясненіямъ этого вопроса одно дополненіе.

Въ *мотивацiи* играетъ роль *логическое* мышленіе, и Шопенгауэръ былъ бы правъ, если бы не существовало иной логики, кромѣ логики *аналитическихъ* или *категорическихъ* сужденій (ведущей свое начало отъ Аристотеля), и иного мышленія, кромѣ *категорическаго* или *аналитическаго* мышленія. Но коренное различіе между Лапласомъ и философами, подобными Шопенгауэру, и состоитъ въ томъ, что Лапласъ не только признавалъ, но и геніально развивалъ систему логики мѣрныхъ *аритмологическихъ* (беремъ этотъ терминъ у Бугаева) или *некатегорическихъ* сужденій (теорію вѣроятностей) и обосновалъ на ней математическіе принципы *мѣрнаго* некатегорическаго мышленія и соотвѣтствующіе принципы *дѣйствія*,—принципы, восходящіе къ Пиѳагору, Сократу, Платону и Іисусу, сыну Сираха. Мотивація, опирающаяся на эту *широкую* точную логику, содержитъ основную

свободную категорію, создающую по закону мыслемѣрной причинности всѣ прочія свободныя категоріи или некатегорическія состоянія интеллектуальнаго міра (личныя, соціальныя и универсальныя). Воля, подчиненная *такой* мотиваціи, представляетъ лишь *активную* форму все того же некатегорическаго мышленія, а потому такая воля *мѣрносвободна* или *либералдетерминирована*. Она дѣйствуетъ *промыслительно* по *мѣрѣ возможности* и по *мѣрѣ надобности для цѣлей*. Кантъ, а за нимъ и Шопенгауэръ ошибаются, категорически отдѣляя мысль отъ воли: эти функціи нашего чувствилища или сѣдалища мысли дѣйствительно расчленены въ нашемъ сознаніи, но некатегорически, т. е. не плотною изолирующею перегородкою.

Впрочемъ, я не отнимаю у оппонента одного изъ основаній считать Лапласа фаталдетерменистомъ, хотя это основаніе философы-математики считаютъ не болѣе, какъ *промахомъ* въ безукоризненномъ трактатѣ Лапласа по теоріи вѣроятностей. Во всякомъ случаѣ для Лапласа, развивавшаго логику некатегорическихъ теченій мотивирующей мысли и связанныхъ съ нею творческихъ психолого-общественныхъ реакцій, создающихъ въ политической и общественной жизни аритмологически возникающіе плюсы, этотъ промахъ является логически недопустимымъ противорѣчіемъ его съ самимъ собою, которое лишь при очень сильномъ желаніи можно приводить въ защиту вообще фаталдетерминистичности взглядовъ Лапласа. Это противорѣчіе со всѣми остальными взглядами Лапласа содержитъ его знаменитая фраза о всепроникающемъ разумѣ: «Une intelligence qui pour un instant donné connaîtrait toutes les forces dont la nature est animée et la situation respective des êtres qui la composent, si d'ailleurs elle était assez vaste pour soumettre ces données à l'analyse, embrasserait dans la même formule, les mouvements des plus grands corps de l'univers et ceux du plus léger atome: rien ne serait incertain pour elle, et l'avenir comme le passé, serait présent à ses yeux» [1]). Фраза эта,

---

[1]) «Разумъ, постигшій въ опредѣленное время всѣ силы, одушевляющія природу, взаимныя отношенія всѣхъ существъ, наполняющихъ ее, если бы онъ сверхъ того былъ достаточно громаденъ, чтобы обнять эти данныя (математическимъ) анализомъ, заключилъ бы въ одной формулѣ и законы движенія вселенной, и полетъ легчайшей пылинки; для этого высшаго разумѣнія не существовало бы ничего неизвѣстнаго, и какъ будущее, такъ и прошедшее было бы открыто передъ его очами».

какъ заѣзженный конь, осѣдлывается всякій разъ, когда нужно превратить Лапласа въ фаталдетерминиста. Повторяемъ, она есть единственный промахъ Лапласа, воспроизведенный, къ сожалѣнію, въ прекрасной книгѣ В. Я. Буняковскаго, но давно исправленный учениками Лапласа (напримѣръ, Кетле), давшими лучшія опредѣленія понятій о всепроникающемъ умѣ и о дѣлѣ Творца. Въ этой фразѣ Лапласъ, стоя на почвѣ аритмологическаго мышленія, тѣмъ не менѣе отдалъ дань увлеченія аналитическому мышленію, которымъ онъ владѣлъ также съ великимъ мастерствомъ. Всепроникающій разумъ этою фразою низведенъ до Бога абсолютистовъ, какими являются Магометъ и Спиноза. Высшій разумъ, обладающій могучею энергіей и волею, не нуждается для разумнѣйшаго веденія мірового хозяйства въ такомъ дѣйствіи, которое *пожираетъ* свободную волю прочихъ обособленныхъ интеллектовъ. Возможность такого абсолютизма Божества слѣдуетъ принять лишь за мѣру Его могущества, равнаго всемогуществу, но не за мѣру Его премудрости и благости.

2. «Мнѣ нѣтъ никакого дѣла—говоритъ затѣмъ оппонентъ въ своемъ возраженіи,—*до анекдота объ атеизмѣ Лапласа*: въ его механической теоріи міра нѣтъ мѣста для высшей творческой силы. Спорить объ этомъ совершенно напрасно». Но, говоря здѣсь о *механической* теоріи міра, которую построилъ Лапласъ, оппонентъ беретъ лишь *половину* генія Лапласа, и при томъ не самую лучшую (хотя и прекрасную) половину, ибо труды Лапласа въ другой и болѣе геніальной половинѣ разсматриваютъ не механическій, а *интеллектуальный* міръ,—міръ, въ которомъ есть какъ всепроникающій разумъ, такъ и свободная воля, хотя и мотивируемая разумомъ! Лапласъ потому и геній, подобный Декарту, Ньютону, Паскалю и Лейбницу, что онъ обнялъ математическою логикою не одинъ, а два міра: логикою категорическихъ или аналитическихъ сужденій онъ исчислялъ законы міра физическаго, логикою же некатегорическихъ или аритмологическихъ сужденій онъ проникалъ въ глубины міра интеллектуальнаго.

3. Всѣ остальныя разногласія мои съ оппонентомъ въ оцѣнкѣ авторитетовъ и въ другихъ взглядахъ проистекаютъ все изъ того же различія категорической логики оппонента и логики мѣрнаго некатегорическаго мышленія, которую нынѣ многіе то отвергаютъ, то искажаютъ и которою однако руководятся мудрѣйшіе и ге-

ніальнѣйшіе люди. Принимаемая мудрецами логика некатегорическихъ сужденій совершенно иначе понимаетъ законы мышленія и дѣйствія. Самый законъ противорѣчія или понятіе объ абсурдѣ и бездоказательности въ этой логикѣ опредѣляется иначе, нежели въ логикѣ категорическихъ сужденій. Въ послѣдней логикѣ противорѣчія (тезисъ и антитезисъ) *всегда* бываютъ несовмѣстимы, а въ первой логикѣ бываетъ *два* рода противорѣчій: противорѣчія совмѣстимыя (въ повторяемыхъ *обособленныхъ* процессахъ) и противорѣчія несовмѣстимыя или логически недопустимыя (въ одномъ и томъ же процессѣ). Въ этой логикѣ (въ логикѣ некатегорическихъ сужденій) и въ дѣйствіяхъ руководимой ею воли есть *неопредѣленность*, но только неопредѣленность *мѣрная*, которая, опираясь на свойственное разуму *чувство мѣры* [1]), открываетъ просторъ для мыслемѣрнаго *творчества*, а съ другой стороны для *морали* и *права*, приводящихъ неопредѣленность некатегорическихъ сужденій, состояній и настроеній интеллектуальнаго міра къ высшей опредѣленности (къ свободоволевой организаціи блага). Некатегорическія положенія вещей открываютъ два наклона для умозаключенія или силлогизма: къ тезису и къ антитезису, два наклона для чувства: къ любви и къ ненависти, два наклона для воли: къ добру и къ злу, и т. д.

Отрицательная сторона некатегорическаго положенія вещей въ соціальныхъ сужденіяхъ и взаимоотношеніяхъ выражается въ политикообщественной порочности, породившей софистику, макіавелизмъ, іезуитизмъ, масонство, разное лукавство безпринципной части «религіи», «политики», «общественности», «науки», «литературы», «адвокатуры» и т. д. Есть религія и «религія», политика и «политика», общественность и «общественность», наука и «наука», литература и «литература», авторитетъ и «авторитетъ»,

---

[1]) Понятію о мѣрной неопредѣленности соотвѣтствуютъ въ математикѣ различные особые виды исчисленія. Н. В. Бугаевъ предложилъ особое геометрическое представленіе мѣрно-неопредѣленныхъ количествъ (геометрію произвольныхъ количествъ). Въ этомъ смыслѣ могутъ быть истолкованы моральныя оцѣнки матеріальныхъ выгодъ, указываемыя Даніиломъ Бернулли, Бюффономъ, Буняковскимъ и другими. Мѣрная неопредѣленность должна имѣть мѣсто въ политико-экономическихъ оцѣнкахъ цѣнностей, каковая оцѣнка искажена современною политико-экономическою эволюціонно-механическою теоріей, поставившей механизацію цѣнъ на мѣсто творческаго аритмологическаго свободоволевого элемента политико-общественной оцѣнки мѣновыхъ цѣнностей.

освобожденіе и «освобожденіе», закрѣпленіе и «закрѣпленіе», судъ и «судъ», адвокатура и «адвокатура» и т. д. Эти некатегорическія состоянія и настроенія являются въ разныхъ смыслахъ причиною то гибели, то спасенія и *ставятъ ребромъ* вопросъ о необходимости истинной нравственной правды, объективной морали, влекущей къ добру и внушающей внутреннюю и внѣшнюю репрессію противъ зла, крамолы (разумную, конечно). Хаотическій либералдетерминированный процессъ внушаетъ къ себѣ въ хорошо настроенномъ человѣкѣ отвращеніе, презрѣніе и признаніе, что выше этого процесса стоитъ моральный либералдетерминированный процессъ, въ которомъ есть не только автономность, но и законопокорность, іерархичность и въ которомъ разумное ограниченіе свободы опредѣляется прежде всего *внутренними* моральными сужденіями, а затѣмъ по закону причинности переходитъ во *внѣшнія* благотворныя взаимоотношенія, называемыя *правомѣрными*. Политикообщественное право есть внѣшняя мораль, основанная на внутренней, и поэтому право и юриспруденція получаютъ смыслъ лишь въ мірѣ некатегорическихъ положеній вещей. При этомъ сами собою внутреннія нормы истиннаго Учителя человѣчества становятся выше юридическихъ нормъ, являющихся лишь внѣшнимъ одностороннимъ слѣдствіемъ, допускающимъ разныя поддѣлки (подобныя поддѣлкамъ pro и contra въ дѣлѣ Дрейфуса).

Если стать на точку зрѣнія исключительно логики категорическихъ сужденій, то, конечно, мыслитель, подчиняющій свою мысль логикѣ Декарта, Паскаля, Бюффона, Бернулли, Лапласа, Чебышева, Бугаева и другихъ, представляется полнымъ противорѣчій. Сужденія такого мыслителя въ ушахъ категорически судящаго всегда «звучатъ въ высшей степени бездоказательно», и если этого мыслителя нельзя бываетъ осудить, какъ тенденціознаго и недобросовѣстнаго, то онъ представляется фаталдетерминисту чуть ли не умопомѣшаннымъ.

Придерживаясь исключительно логики категорическихъ сужденій, конечно, правъ, оппонентъ, который, усматривая въ моемъ изложеніи разныя противорѣчія, говоритъ: «Авторъ признаетъ *вселенскій разумъ*, который накопился, между прочимъ, въ *сокровищахъ государства*, и, съ другой стороны, враждебно относится къ *космополитическимъ отвлеченностямъ*. Мнимая аксіома соціальной физики, имъ выставляемая — «вселенское идеально-реальное братство племенъ и народовъ, а не космополитизмъ» — звучитъ

въ высшей степени неопредѣленно и бездоказательно, какъ *идеально-реальное* сочетаніе предустановленной гармоніи и бронированнаго кулака. Всякій великій (почему *только* великій?) народъ, говоритъ П. А. Некрасовъ въ своемъ рефератѣ, долженъ развивать *свою* національную идеально-реальную благотворную свободу. Стало быть *сокровища вселенскаго разума* на смарку?» (курсивы принадлежатъ оппоненту).

У фаталдетерминистовъ даже по такимъ некатегорически рѣшаемымъ вопросамъ, какъ вопросъ о «бронированномъ кулакѣ», сужденія всегда категоричны: не должно быть бронированнаго кулака—и дѣлу конецъ! Между тѣмъ міръ интеллектуальный не есть міръ немощный, разслабленный, способный только судить и разсуждать и невооруженный энергетически. Напротивъ, этотъ міръ полонъ энергіи. По Лапласу, напримѣръ, чувствилище или сѣдалище мысли не только мыслитъ и чувствуетъ, но и механически вибрируетъ, распоряжаясь мыслемѣрно (и, слѣдовательно, на высшихъ ступеняхъ мышленія *морально*) физическою энергіей; оно принимаетъ и посылаетъ токи и лучи, подобные электрическимъ, и не только физіологическимъ путемъ (по нервамъ и мускуламъ), но и *симпатическимъ* путемъ (подобно безпроволочному телеграфу), приводя интеллектуальный міръ въ дѣйствіе какъ біофизически и соціалфизически, такъ и мистеріофизически. Принципы *энергетики* (беремъ этотъ терминъ у Оствальда) связаны съ интеллектомъ и интеллектуальнымъ міромъ. Нѣтъ интеллекта безъ кулака своего рода, и весь вопросъ въ томъ, чтобы примѣнять его мыслемѣрно, правомѣрно, морально. Есть мораль бронированнаго кулака, т.-е. мораль военная, подобно тому, какъ есть мораль промышленнотрудовая, торговая, врачебная, судейская, полицейская, учительская, литераторская и т. д.

Энергетико-интеллектуальный міръ, соединяя категорическое съ некатегорическимъ, имѣетъ, при кажущихся противорѣчіяхъ, свою высшую моральную мѣрно-неопредѣленную закономѣрность, проникновенно оцѣниваемую авторитетнымъ *вселенскимъ разумомъ*, сужденія котораго наиболѣе приближаются къ категорическимъ и некатегорическимъ сужденіямъ и императивамъ *всепроникающаго разума* «міровой души» (какъ выражается Влад. Соловьевъ), т.-е. разума Творца. Въ этомъ всепроникающемъ разумѣ даны показатели категоричности и некатегоричности правдивыхъ взаимоотношеній и здравая подвижная черта, отдѣляющая мѣрою и

числомъ въ каждый моментъ въ историческомъ развитіи категорическое отъ некатегорическаго и некатегорическое однѣхъ степеней отъ некатегорическаго другихъ степеней (степень измѣряется мѣриломъ напряженности вліяній). Возможенъ въ извѣстныхъ границахъ свободоволевой переходъ человѣка чрезъ эти черты, некатегорически намѣчаемыя Премудростію. Но такой переходъ, напримѣръ, въ сторону излишней категоричности сужденій и дѣйствій усиливаетъ хаосъ въ положеніи вещей, т.-е. усиливаетъ зло. Такъ, фаталдетерминистъ, ошибочно отрицая некатегорическія состоянія, не уничтожаетъ, конечно, дѣйствительныхъ некатегорическихъ состояній, но, не размышляя о нихъ, онъ тѣмъ самымъ въ словѣ и дѣлѣ спутываетъ ихъ, содѣйствуетъ превращенію моральныхъ настроеній въ положенія хаотическія, анархическія, принадлежащія царству тьмы. *Вселенскій разумъ* и его *сокровища* «идутъ на смарку», такъ какъ закрываются тѣмъ логическимъ «бревномъ», находящимся въ глазу судящаго, которое слѣдовало бы извлечь оттуда. Торквемада, жгущій грѣшника на кострѣ, и Ломброзо, объявляющій сумасшедшими геніевъ, непохожихъ на автоматовъ, работающихъ лишь на *аналитической логической машинкѣ*, сходны въ томъ отношеніи, что упрямое, гильотиноподобное движеніе ихъ категорическаго мышленія и дѣйствія одинаково нарушаетъ заповѣдь Учителя человѣчества объ осторожности сужденія (Мат. гл. VII, ст. 1—5) и такъ или иначе распинаетъ истину.

Простѣйшій силлогизмъ аналитической (категорической) логики данъ въ слѣдующей схемѣ:

1. *Всѣ люди смертны.*
2. *Сократъ—человѣкъ.*
3. *Слѣдовательно, онъ смертенъ.*

Силлогизмъ же аритмологической (некатегорической) логики мы имѣемъ въ слѣдующемъ схематическомъ примѣрѣ:

1. *Въ данной странѣ изъ тысячи рожденныхъ дѣтей N лицъ, по достиженіи возраста t лѣтъ, совершаютъ дѣйствіе A (напримѣръ, вступаютъ въ бракъ).*

2. *Родилось въ этой странѣ дитя, Сократъ.*

3. *Слѣдовательно, Сократъ можетъ совершить фактъ A по достиженіи возраста t лѣтъ, и вѣроятность этого возможнаго событія опредѣляется N шансами изъ тысячи шансовъ.*

Заключеніе этого мѣрнаго статистическаго силлогизма—не

категорическое, имѣющее тезисомъ своимъ численно выраженную возможность совершенія факта А Сократомъ при извѣстныхъ условіяхъ.

Несмотря на некатегоричность, подобные силлогизмы играютъ важную роль, не только гносеологическую, но и динамическую, если тезисъ затрогиваетъ интересы лицъ. Логика этихъ сужденій имѣетъ свои умозаключенія и доказательства, свои дедукціи и индукціи. Имѣя ее въ виду, мы различаемъ *высокій* раціонализмъ отъ *пониженнаго* раціонализма и утверждаемъ, что высокій раціонализмъ (Декарта, Паскаля, Ньютона, Лейбница, Зюссмильха, Бюффона, Бейза, Лапласа, Кетле, Чебышева, Владиміра Соловьева, епископа Антонія Храповицкаго, Бугаева и другихъ) руководится при изслѣдованіи свойствъ міра интеллектуальнаго логикою некатегорическихъ сужденій и связанными съ нею мѣрными аритмологическими законами мышленія и дѣйствія. Пониженный же раціонализмъ (О. Конта, Милля, Спенсера, Ломброзо и разныхъ представителей механическаго эволюціонизма и излишняго категоризма сужденій) урѣзываетъ изъ этой логики что-либо весьма существенное, путая свой выводъ, ходъ своего мышленія и дѣйствія, покрывая *животнымъ агностицизмомъ* тѣ пробѣлы познанія, которые здравомыслящій скептикъ-человѣкъ обязанъ покрывать некатегорическими сужденіями.

Такой агностицизмъ и чрезмѣрный категоризмъ сужденія и дѣйствія характеризуетъ именно интеллектуальность животнаго царства, а также дикарей и дѣтей, и есть шагъ назадъ, возвращеніе къ пониженной интеллектуальности. Страусъ, говорятъ, прячетъ голову подъ крыло, думая, что невидимость того предмета, отъ котораго онъ спрятался, равна несуществованію самаго предмета.

Высокій раціонализмъ совпадаетъ вполнѣ съ логикою христіанства. Евангеліе, запрещая категорическое осужденіе, настоятельно рекомендуетъ прибѣгать къ тщательному, глубокому *мѣрному* некатегорическому сужденію, требуя извлеченія «бревна» изъ глаза судящаго (Мат., гл. VII, ст. 1—5). Спасеніе интеллигенціи человѣчества, искренно стремящейся къ истинѣ и добродѣтели, лишь въ глубокомъ критическомъ мышленіи, основанномъ на тщательныхъ *мѣрныхъ* моральныхъ некатегорическихъ сужденіяхъ при внутреннемъ тяготѣніи сердца къ правдѣ.

Приведенный выше примѣръ силлогизма высшей логики есть

образецъ такого некатегорическаго или аритмологическаго силлогизма, какой бываетъ результатомъ тщательнаго примѣненія статистическаго метода. Опыты жизни и чувство мѣры научаютъ насъ болѣе простому и легкому построенію въ умѣ некатегорическихъ силлогизмовъ. На перронѣ желѣзнодорожнаго пути написано, напримѣръ, предостереженіе публикѣ: «остерегайтесь воровъ», и эта надпись вызываетъ въ умахъ не только некатегорическій силлогизмъ о шансахъ быть обворованнымъ, но и динамическія выраженія предосторожности. Уголовная кара вызываетъ некатегорическое мышленіе въ умахъ лицъ, наклонныхъ къ преступности, и сдерживаетъ ихъ динамическій порывъ въ этомъ направленіи.

Некатегорическія сужденія, задѣвающія наиболѣе цѣнимые человѣкомъ интересы какъ матеріальные, такъ и нравственные, способны переходить въ катастрофическое психодинамическое дѣйствіе. Такое дѣйствіе, бываетъ связано съ сужденіемъ лица объ отнятіи у него соотвѣтствующихъ вѣроятностей и бываетъ иногда равносильно даже смертному приговору. Для выясненія этого вопроса представляетъ большой интересъ статистика и описаніе условій самоубійствъ. Окончательную судьбу нѣкоторыхъ самоубійцъ рѣшаетъ утрата ими вѣроятностей привычнаго матеріальнаго обезпеченія, и, напримѣръ, крупные банковые крахи, обездоливающіе многихъ людей, сопровождаются обыкновенно увеличеніемъ самоубійствъ. Потеря вѣры въ личное счастіе также убиваетъ людей (Ромео и Джульетта). Для многихъ хорошихъ людей рѣшающее значеніе имѣетъ потеря вѣры въ осуществленіе нравственныхъ цѣлей жизни, и зависящія отъ этого самоубійства могли бы показаться безпричинными, если бы объ этихъ причинахъ не свидѣтельствовали оставленные по смерти письма и дневники. «Вы запишете меня,—увѣдомляетъ свою близкую наставницу одна дѣвица, бросившаяся въ Волгу,—въ сумасшедшія; но это неправда; я чувствую, что не буду никому полезной, не вижу цѣли жизни и жить мнѣ скучно». Съ другой стороны, люди, уставшіе жить, больные, нервные, страдающіе, переносятъ тягости жизни, если вѣрятъ въ ея цѣли и нравственный смыслъ.

Педагогика, правосудіе, политика, историческое сужденіе и т. д. получаютъ совершенно другой характеръ въ глазахъ приверженцевъ фаталистическаго принципа, такъ какъ они должны всѣ явленія искусственно подводить подъ нормы аналитической ло-

гики, совпадающей съ логикою механическаго эволюціонизма. Они ищутъ внѣшнихъ, даже иногда чисто механическихъ и физіологическихъ причинъ тамъ, гдѣ дѣйствуютъ внутреннія интеллектуальныя творческія способности. Обсуждая дѣйствіе какого-либо преступника, они слишкомъ много придаютъ вѣса физіологическимъ и физическимъ условіямъ: изслѣдуютъ асимметрію строенія головы, чертъ его лица и всего тѣла, справляются о физіологическихъ особенностяхъ его личной жизни и жизни его предковъ, и часто этимъ даннымъ даютъ слишкомъ большой вѣсъ въ оцѣнкѣ наклонности къ преступности. Многіе почтенные люди имѣютъ физіологическіе дефекты этого рода, проявляя наклонности къ добродѣтели, а не къ преступленію. Наслѣдственность и расовыя свойства, пища, питье, алкоголь и т. д., принимаемые внутрь, конечно, оказываютъ большое вліяніе на здоровье, состояніе духа и темпераментъ.

Но предположимъ, что всѣ внѣшнія и физіологическія вліянія на преступника опредѣлены вѣрно, и затѣмъ остается обсудить внутренній ходъ его мысли, сопровождавшій преступное дѣйствіе. Нужно рѣшить вопросъ—былъ ли онъ въ здравомъ умѣ въ этотъ роковой моментъ, не имѣла ли мѣсто въ этотъ моментъ асимметрія мысли и даже безсознательная аффектація? Здѣсь-то и будетъ имѣть значеніе понятіе экспертовъ и судей о законахъ логики и мышленія.

Эксперты-психіатры, опредѣляющіе ненормальности или асимметріи мышленія преступниковъ, могутъ впадать въ крупную ошибку не только благодаря тому, что преувеличиваютъ роль внѣшнихъ и физіологическихъ факторовъ, но и потому, что примѣняютъ къ нему аналитическую логику и аналитическій процессъ мышленія тамъ, гдѣ нужно имѣть въ виду аритмологическую логику и аритмологическій процессъ мысли, которымъ руководятся въ своей изобрѣтательности какъ преступники, такъ и творцы дѣлъ благотворныхъ. Вслѣдствіе этой ошибки психіатры считаютъ иногда нормальное мышленіе анормальнымъ, зачисляя въ разрядъ анормальныхъ мыслителей здравомыслящихъ людей; тупые же люди, руководящіеся низшею логикою и ведущіе поэтому машинообразную жизнь автоматовъ, оцѣниваются такими психіатрами, какъ наиболѣе здоровые и нормальные.

«Факты, сопровождающіе преступленіе, — говоритъ экспертъ-психіатръ объ одномъ преступникѣ,—нелѣпы и объясняются не-

нормальностями, которыми страдаетъ преступникъ. Онъ убиваетъ мать, чтобы добиться руки невѣсты, и не соображаетъ, что этимъ путемъ навсегда теряетъ надежду сдѣлаться ея мужемъ» [1]). Однако преступникъ принялъ всѣ зависящія мѣры къ сокрытію преступленія и поэтому онъ руководился вѣроятностями, которыхъ онъ, по его понятіямъ, вовсе лишился бы, если бы не предпринялъ своего преступленія. Этимъ преступникомъ руководила нормальная аритмологическая логика, и лишь цѣль, имъ избранная, и нравственная его природа извращены. Если бы въ подобныя коллизіи попалъ не преступный сынъ, окруженный близкими людьми, а плѣненный воинъ, окруженный врагами своего отечества и вынужденный, спасая себя и свою страну, прибѣгать къ цѣлесообразнымъ разумнымъ средствамъ и дѣйствіямъ, то логическія нормы мышленія этого почтеннаго воина были бы тѣ же, какъ и у этого преступника.

Само собою разумѣется, что и педагогика можетъ быть совершенно извращена, если духовный міръ ученика втискивать въ рамки аналитической логики, забывая тѣмъ самымъ талантливость съ ея творчествомъ, которое, такъ сказать, просачивается именно чрезъ щели некатегорическихъ состояній, направляемыя разумнымъ учительствомъ къ тезису блага. Логика педагога должна быть аритмологическая съ наклономъ къ *аристологіи*. Учительство, которому по преимуществу довѣренъ внутренній міръ человѣка, особенно должно это помнить. Подавляющій формализмъ въ школьномъ режимѣ, родственный фаталдетерминизму и, къ счастію, нынѣ отошедшій уже въ область исторіи, былъ прискорбнымъ недоразумѣніемъ, препятствовавшимъ этому аристологическому наклону. Этотъ наклонъ создается вліяніемъ нравственныхъ некатегорическихъ императивовъ.

Если разумъ, чувство, воля и интеллектуальная жизнь обладаютъ свободными категоріями и некатегорическими состояніями и если, слѣдовательно, жизнь нормируется какъ категорическими, такъ и некатегорическими сужденіями, то и императивы должны быть не только категорическими, но и некатегорическими (какъ желательныя, а не чисто повелительныя наклоненія). Величайшій изъ императивовъ, нравственный законъ святой религіи, почти весь построенъ на некатегорическихъ императивахъ, оставляя сво-

---

[1]) См. «Русское Слово», № 227, стр. 3. 1903. Москва.

бодѣ воли выборъ въ путяхъ исполненія нравственнаго долга. Притча о сѣятелѣ характеризуетъ психологическое и моральное дѣйствіе некатегорическаго императива, вліяющаго въ извѣстную сторону и допускающаго разнообразныя послѣдствія. Вся истинная педагогика проникнута не только категорическими, но и некатегорическими императивами, и весь семейный бытъ всякой хорошей семьи проникнутъ тѣмъ же началомъ. Если принять въ расчетъ, что категорическіе императивы всегда жестки, подобно неумолимымъ физическимъ стихіямъ, обрушивающимся на мыслящее и чувствующее существо, то нельзя не цѣнить и въ политикѣ старые патріархальные религіозно-политическіе *личные* некатегорическіе императивы, исходящіе отъ живого сѣятеля: государя, учителя, начальника, отца, судьи и т. д. Эти личные императивы и по силѣ ихъ напряженія регулируются разумомъ и живымъ чувствомъ съ обѣихъ сторонъ (со стороны вліяющаго и со стороны воспринимающаго вліянія); такіе оживленные, гибкіе и разумно-подвижные некатегорическіе и категорическіе императивы могутъ во многихъ случаяхъ имѣть несравненно бо́льшую цѣну, чѣмъ излишество въ императивахъ категорическихъ. Можно поэтому удивляться тому, что не только механическіе эволюціонисты, но и многіе раціоналисты уперлись въ своихъ ученіяхъ о государствѣ, обществѣ и личности въ мертвыя (безличныя, исключительно книжныя и бумажныя) категорическія формулы права вродѣ всеобщаго равенства (котораго на самомъ дѣлѣ нѣтъ), замкнутаго (анархическаго) индивидуализма, просвѣщеннаго даже (то теократическаго, то монархическаго, то парламентскаго, то демократическаго) абсолютизма-фатализма (котораго также на самомъ дѣлѣ не было и нѣтъ) и т. д., и не хотятъ понять болѣе живыхъ и свободныхъ, но правомѣрныхъ взаимоотношеній. Жизнь же и мѣрная мысль не руководится лишь этими крайностями, между которыми существуетъ безконечное множество переходовъ, а насиліе надъ жизнію, направленное въ сторону тѣхъ или другихъ крайностей, всегда сопровождается болѣзнями соціальныхъ организмовъ.

Общественный организмъ, если онъ внѣшне такъ или иначе обособленъ и, съ другой стороны, внутри состоитъ изъ некатегорически-обособленныхъ частей, назовемъ свободосвязью. Христіанство вызвало къ жизни такія свободосвязи, прекрасныя законодательства которыхъ еще живы въ русской, англійской, сѣ-

веро-американской жизни и въ остаткахъ европейской политики, еще не пожранныхъ пониженнымъ, декадентскимъ «раціонализмомъ». Несмотря на пестроту и кажущійся безпорядокъ свободонравственныхъ взаимоотношеній, несмотря на множество кажущихся житейскихъ противорѣчій, устраненія которыхъ добиваются иногда съ жестокимъ фанатизмомъ (во имя то схоластическихъ, то пониженныхъ раціоналистическихъ и позитивныхъ теорій, нивеллирующихъ все по внѣшнимъ шаблонамъ, разсѣкающимъ живое на части),—не смотря на все это, русскія, какъ и англійскія начала государственнаго и гражданскаго устройства пережили множество историческихъ невзгодъ и бурь и стоятъ какъ крѣпкіе организмы, требующіе не ломки и не нивеллировки, а развитія на принципахъ мыслемѣрной нравственной свободы. Семья, школа, общество, государство и т. д., если они не построены лишь на крайностяхъ: или на категорическихъ императивахъ, или на замкнутомъ категорическомъ индивидуализмѣ, оставляютъ много мѣста для безчисленнаго множества другихъ оттѣнковъ разумнаго моральнаго взаимодѣйствія, для благотворныхъ проявленій свободы воли и для разумной отвѣтственности. Эти организмы должны быть именно свободосвязями, соединенными посредствомъ живыхъ интеллектуальныхъ вліяній, категорическихъ и некатегорическихъ, смотря по условіямъ истиннаго блага, индивидуальнаго, соціальнаго и мірового.

Каждая свободосвязь, конечно, объединена нѣкоторыми абсолютными основными принципами и началами, и поэтому нѣкоторая часть взаимоотношеній, составляющая самую основу существованія данной свободосвязи, должна имѣть характеръ крѣпкихъ категорическихъ связей, поддерживаемыхъ всею ея свободосилою, т.-е. всѣмъ ея энергетическимъ интеллектомъ и всею доступною ей силою. Свободосвязь, самоохраняясь, должна бываетъ энергически защищать внутри и внѣ эти категорическіе принципы своего обособленнаго бытія, а въ противномъ случаѣ прекратить свое бытіе, умереть.

Мы останавливаемся на выясненіи роли некатегорическихъ состояній политикообщественнаго бытія съ такою подробностію именно потому, что механизація взглядовъ вытѣснила эти понятія, изгнавъ ихъ изъ логики многихъ современныхъ учителей, публицистовъ, ученыхъ и философовъ. Между тѣмъ логика некатегорическихъ сужденій не есть новое изобрѣтеніе: эта ло-

гика древняя, вѣчная и прирожденная интеллекту въ такой же мѣрѣ, какъ и аналитическая логика. Нормы логики некатегорическихъ сужденій, плохія или хорошія, смотря по степени интеллектуальнаго развитія лица, есть у всякаго разумнаго существа. Новымъ временамъ принадлежитъ лишь переложеніе этой логики на языкъ математическихъ символовъ. Этотъ вкладъ въ сокровищницу разума, конечно, былъ бы важенъ, если бы этотъ высокій раціонализмъ не былъ испорченъ, какъ выше сказано, пониженнымъ раціонализмомъ, родственнымъ схоластикѣ и софистикѣ, который, съ одной стороны, слишкомъ категорично отдѣляетъ мысль отъ чувства, воли, силы и дѣйствія, ноуменъ отъ феномена, мораль отъ ея святого источника, церковь отъ государства, науку отъ религіи, судъ отъ администраціи, родителей отъ дѣтей, человѣка отъ общества, общество отъ государства и т. д., а съ другой стороны столь же категорично закрѣпощаетъ ампутированную этими вивисекціями личность излюбленнымъ соціальнымъ кумирамъ.

Некатегорическая логика, опирающаяся на *аритмологическія* математическія средства, и категорическая логика, опирающаяся на *аналитическія* математическія дисциплины, вмѣстѣ составляютъ ту логику, о которой мы старались дать понятіе въ нашей монографіи: «*Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности*».

Пользованіе этою логикою въ связи съ истинною моралью можетъ примыкать либо къ *аристологіи*, либо къ *какологіи*, смотря по тому или другому отношенію пользующагося къ моральному сужденію.

Если же къ этимъ понятіямъ присоединить силу, какъ физическую энергію, которою можетъ располагать человѣкъ по своей волѣ, то въ каждомъ своемъ психосиловомъ дѣйствіи человѣкъ склоняется либо къ аристологократіи, либо къ какологократіи.

Вселенскій разумъ давно имѣетъ свои основанія для этихъ расцѣнокъ, такъ какъ давно руководился глубокою критическою *мѣрною* мыслію, основанною на логикѣ категорическихъ и некатегорическихъ сужденій, внѣдрившейся въ интеллектъ мудрѣйшихъ вселенскихъ учителей и оцѣнивавшей вещи мѣрою и числомъ. *Книга Премудрости Іисуса сына Сирахова*, это глубокое произведеніе эллино-іудейскаго ума, вошедшее въ Библію и въ Талмудъ, со-

держитъ эту логику, морально углубленную затѣмъ до безконечности Богочеловѣческимъ разумомъ. Космополитическія же отвлеченности, какъ я ихъ понимаю, отклоняются отъ этой премудрости въ сторону какологіи, т.-е. отпадаютъ отъ правильнаго пониманія законовъ всесовершеннаго мышленія и дѣйствія. Приведемъ слова *Вильяма Гладстона* относительно этого космополитизма, созданнаго какологическимъ мышленіемъ Запада.

«Въ то время, какъ, — говоритъ Гладстонъ [1]), — съ одной стороны, свобода и ея гарантіи подвергались нападенію ватиканизма, съ другой стороны, толпа дѣятельныхъ, но недисциплинированныхъ и необъединенныхъ враговъ подняла войну то противъ откровенія, то противъ догмата, то даже противъ самой вѣры въ Бога. Я далекъ отъ того, чтобы подвергать сомнѣнію честность и искренность той или другой изъ этихъ партій. Но какъ свобода никогда не можетъ быть должнымъ образомъ установлена врагами того Евангелія, которое впервые сдѣлало эту свободу дѣйствительностью для всѣхъ сословій и классовъ человѣчества, такъ и Евангеліе никогда не можетъ получить себѣ надлежащую защиту отъ такой политики, которая отказывается признать высокое значеніе, предоставленное свободѣ путями провидѣнія, и которая, подъ предлогомъ злоупотребленія, совсѣмъ изгоняетъ эту свободу изъ своей системы».

Возникаетъ вопросъ, гдѣ же въ средѣ человѣчества сохранились нетронутыми чистыя сокровища вселенскаго разума. Трудно обойти молчаніемъ тотъ фактъ, что критическое мышленіе Гладстона, привело его къ сужденію, что высшая религіозная истина сохранилась въ восточной церкви.

Гладстонъ говоритъ [2]): «Когда система христіанскаго ученія, со всею своею властью, впервые явилась, чтобы обновить міръ, она не подавляла, а напротивъ, вызывала свободную дѣятельность человѣческаго разума и индивидуальной совѣсти, давъ этимъ силамъ внутреннія нормы и побужденія смиреннаго и въ то же время благороднаго самоограниченія. Распространеніе Евангелія ввѣрено было организованному обществу, но въ устрой-

---

[1]) См. «Римъ и папа передъ судомъ совѣсти и исторіи». Сочиненіе *Вильяма Гладстона*. Переводъ *Е. М. Поливановой*, подъ редакціей профессора *В. А. Соколова*. 1903. Стр. 169.

[2]) Ibidem, стр. 168.

ствѣ этого общества, какъ мы знаемъ изъ свящ. писанія и исторіи, права всѣхъ входившихъ въ его составъ классовъ прекрасно были распредѣлены и гарантированы. Достовѣрный и живой памятникъ этихъ первоначальныхъ постановленій, направленныхъ къ тому, чтобы уравновѣсить церковную власть и обезпечить мірянъ отъ владычества духовенства, представляетъ намъ и до настоящаго времени строгій консерватизмъ церкви восточной».

Итакъ, на Западѣ мы имѣемъ въ лучшемъ случаѣ либо просвѣщенный абсолютизмъ, либо просвѣщенный фатализмъ, легко переходящіе въ анархизмъ. На Востокѣ, къ которому пріобщена православно-русская политикообщественность, мы имѣемъ нѣчто, составляющее драгоцѣнную особенность, имѣющую міровое значеніе и представляющую зачатокъ высшей просвѣщенности, которую нужно охранять и культивировать для блага всего человѣчества и смыслъ которой съ удивительнымъ рвеніемъ затемняется декадентствующею частію русской литературы и науки, разрывающей связь съ прекраснымъ наслѣдствомъ.

4. Непонятно для меня оспариваніе оппонентомъ, признающимъ значеніе сокровищницы вселенскаго разума и національныхъ вкладовъ въ нее, того взгляда, что «въ сущности всѣ цѣнности въ соціальной жизни сводятся къ цѣнности личностей, къ поднятію ихъ нравственнаго совершенства»,—взгляда, высказаннаго мною лишь въ доказательство важнаго значенія и той *оболочки* для сбереженія этихъ цѣнностей, которая зависитъ отъ физическихъ, физіологическихъ, расовыхъ и національныхъ условій. Вмѣстѣ съ тѣмъ оппоненту кажется, что я говорю «*только* о нравственномъ» совершенствѣ, между тѣмъ какъ эта оболочка цѣнится мною именно по тому, что въ политико-общественныхъ дѣлахъ нельзя говорить *только* о нравственномъ совершенствѣ. «Человѣкъ есть не только тѣло, но и духъ», говоритъ Паскаль. Поэтому и приходится защищать и охранять *свое* тѣло, *свою* физіономію, *свою* почву, *свою* національность. Нравственныя взаимоотношенія встрѣчаютъ физическія и моральныя тренія, и это заставляетъ въ политико-общественныхъ дѣлахъ считаться съ различными условіями, кромѣ нравственнаго совершенства. Въ этихъ взаимоотношеніяхъ многое совершается, такъ сказать, по законамъ *обратныхъ* разстояній (степеней близости ближняго). Степень близости ближняго даетъ о себѣ знать. Если безконечно далекое отъ насъ, по высотѣ нравственнаго иде-

ала, Солнце правды притягиваетъ всѣхъ насъ, то мы, находясь ближе къ сферѣ окружающихъ насъ малыхъ, хорошихъ и дурныхъ, моральныхъ планетъ, невольно считаемся и съ притяженіями этихъ слабѣйшихъ моральныхъ единицъ. Вотъ почему, напримѣръ, Алексѣй Карамазовъ, этотъ дивный юноша-аристологъ, всюду вносившій съ собою кроткое сіяніе правды, умѣлъ разумно покоряться въ должныхъ предѣлахъ власти плохого отца и благотворно вліять даже на эту извращенную личность. Вотъ почему всякая свободосвязь должна бываетъ двигаться въ цѣломъ своими хорошими и дурными частями, не обрекая на гибель и худшее, которое можетъ еще на что-либо пригодиться. Тѣмъ не менѣе высшую оцѣнку, при всѣхъ одинаковыхъ прочихъ обстоятельствахъ, долженъ имѣть тотъ, кто разумомъ и волею настроенъ болѣе аристологично. Если эти «божественные *люди*» не будутъ входить существенными звеньями въ постройку частей соціальнаго зданія, какъ живая разумная аритмологически рѣшающая воля, то никакія внѣшнія правовыя нормы не помогутъ процвѣтанію правды и права, не создадутъ здраваго политическаго и общественнаго тѣла. Идеально-реальное братство лицъ, племенъ и народовъ, отвергая кумиры: національстическіе, соціалистическіе, экономическіе, матеріалистическіе и пр., лишая ихъ святости, тѣмъ не менѣе не уничтожаетъ ихъ значенія вполнѣ, отводитъ имъ должное *служебное* мѣсто, цѣня ихъ, какъ почву, воздухъ, среду, средства къ жизни, орудіе и т. д.; а святое почтеніе воздается лишь Богу, Его закону и исполнителямъ Его воли. Во всякомъ случаѣ мы не исключаемъ какъ *психоаритмологическихъ* политикообщественныхъ цѣнностей, пріобрѣтаемыхъ кровью, трудомъ и политикоэкономическимъ обмѣномъ (усчитываемыхъ по цѣнѣ мѣрно-неопредѣленными формулами Д. Бернулли, Бюффона, Лапласа, Буняковскаго, Бугаева), такъ и оцѣнокъ *психомеханическихъ* или *психофизическихъ* (усчитываемыхъ врачами, физіологами и психофизіологами по аналитическимъ формуламъ и принципамъ Лапласа, Вебера, Фехнера, Вундта, Гельмгольца, Сѣченова и другихъ).

Сложность политико-общественной проблемы слишкомъ велика, а легкомысленное отношеніе къ ней слишкомъ опасно. Спасеніе, во всѣхъ смыслахъ этого слова, требуетъ разумнаго и мыслемѣрнаго углубленія не только въ физическій и біологическій міръ, но и еще болѣе въ нравственно-интеллектуальный

2018693808

міръ человѣка и человѣческаго общества. Хорошъ тотъ архитекторъ и тѣ каменщики и плотники, которые строятъ каждую часть зданія по расчету. Это правило еще болѣе примѣнимо къ соціальной архитектоникѣ, которая нормируетъ взаимныя отношенія въ области политической и общественной жизни. Эта аритмологическая архитектоника еще болѣе требуетъ расчета и смѣтъ, чѣмъ обыкновенное строительное искусство. Математика, какъ наука, даетъ изощренныя нормы мѣрнаго сужденія и исчисленія, а религія даетъ объективную мораль въ ея догмахъ или тезисахъ.

Личности, семьи, общины, племена, и, наконецъ, объединяющее всѣ эти подраздѣленія государство, съ его высшими историческими задачами и идеалами, въ которомъ его *основное* племя должно испытывать не только выгоды своего положенія отъ близости къ нему суверенитета, но и невыгоды и даже невзгоды крестоношенія, т.-е. обязанности заботы, охраны и покровительства объединяемымъ племенамъ, — все это подлежитъ аналитическому и аритмологическому учету въ этихъ соціально-физическихъ планахъ и смѣтахъ.

Сторонники и противники разныхъ соціальныхъ тезисовъ и антитезисовъ, конечно, не должны и не могутъ быть усчитываемы въ ихъ *внутренней* жизни, которая есть *алтарь свободы*, дарованной человѣку Творцомъ. Здѣсь невозможны: категорическое сужденіе, осужденіе и категорическій учетъ. Но внѣшній учетъ и здравомысленное покрытіе вѣроятностями пробѣловъ познанія внутреннихъ вещей возможны; историческое и соціально-физическое, подлежащее учету, именно принадлежитъ къ внѣшнимъ проявленіямъ, имѣющимъ эмпирическое выраженіе и связаннымъ однако съ внутреннимъ, подлежащимъ разумному некатегорическому учету и суду. Ноуменъ не вполнѣ не познаваемъ и требуетъ для своего познанія лишь высшей логики, высшей апріоріи и эмпиріи, высшей индукціи и дедукціи.

Само собою разумѣется, что существованіе соціальнаго зданія на основѣ морали возможно лишь тогда, когда моральные элементы заложены въ психологіи и психофизіологіи гражданъ, одновременно являющихся какъ строителями, такъ и строительнымъ матеріаломъ этой постройки. Поэтому индивидуальное постиженіе гражданами тезисовъ морали и нормъ моральнаго мышленія есть первооснова.

Для блага соціальнаго необходимо растворе́ніе тезисовъ морали и нормъ моральнаго сужденія въ народной средѣ. Презрѣнно общество, въ которомъ нѣтъ этого растворе́нія. Преподаваніе народу, всѣмъ гражданамъ *морали* въ ея двухъ частяхъ: 1) *догматической*, обнимаемой тезисами религіи и гражданскаго закона, и 2) *логической*, выясняющей формально законы моральнаго мышленія и дѣйствія, обнимающіе особую *интеллектуальную* мѣрно-неопредѣленную закономѣрность въ явленіяхъ духа и жизни, существенно отличную отъ закономѣрности физической, есть необходимое условіе здоровой соціальной жизни. Народное усвоеніе морали въ обѣихъ ея частяхъ (догматической и логической) отмѣчаетъ эпохи истиннаго прогресса, т.-е. наивысшаго подъема культурной жизни.

Спутанность въ моральной оцѣнкѣ идеаловъ и въ моральномъ мышленіи, съ одной стороны, и, съ другой стороны, дикій, грубый вандализмъ въ соціальной жизни и дѣлахъ суть почти синонимы. Недаромъ у баснописца писательство, какъ одно изъ сильнѣйшихъ средствъ учительства, получило такую важную оцѣнку, а плохое писательство оцѣнено ниже разбоя. Но часто спутанность умовъ бываетъ слѣдствіемъ не злоупотребленія, а той путаницы умовъ, которая возникаетъ всегда на половинѣ дороги при плохо организованномъ переходѣ моральнаго мышленія отъ некритическаго здравомыслія простого народа къ критическому здравомыслію глубокой просвѣщенности. Недавно гр. Л. Н. Толстой (самъ отдававшій дань излишнему категоризму сужденій) очень кстати напомнилъ въ своемъ сборникѣ: «Мысли мудрыхъ людей» прекрасное разсужденіе Паскаля, который говоритъ [1]): «Невѣдѣніе человѣка бываетъ двоякое: одно невѣдѣніе есть чистое, природное невѣдѣніе, въ которомъ люди рождаются; другое невѣдѣніе, такъ сказать, истинно—мудраго. Когда человѣкъ изучитъ всѣ науки и узнаетъ все то, что люди знали и знаютъ, то онъ увидитъ, что эти знанія, всѣ вмѣстѣ взятыя, такъ ничтожны, что по нимъ нѣтъ возможности дѣйствительно понять міръ Божій, и онъ убѣдится въ томъ, что ученые люди въ сущности все такъ же ничего не знаютъ, какъ и простые, неученые. Но есть люди верхогляды, которые кое-чему поучились, нахватались верхушекъ разныхъ наукъ и зазнались. Они

[1]) См. „Pensées de Pascal", 1 part., art. VI—XXV.

ушли отъ природнаго невѣдѣнія, но не успѣли дойти до истинной мудрости тѣхъ ученыхъ, которые поняли несовершенство и ничтожество всѣхъ человѣческихъ знаній. Эти-то люди, считающіе себя умниками, и мутятъ міръ. Они о всемъ судятъ самоувѣренно и опромѣтчиво и, разумѣется, постоянно ошибаются. Они умѣютъ бросать пыль въ глаза, и часто люди къ нимъ относятся съ уваженіемъ, но простой народъ ихъ презираетъ, видя ихъ безполезность; они же презираютъ народъ, считая его невѣжественнымъ». Здѣсь Паскаль разумѣетъ, конечно, знаніе, приводимое въ научную систему при посредствѣ категорической Аристотелевской логики. Невѣдѣніе же истинныхъ мудрецовъ есть моральное познаніе, приводимое въ научную систему при помощи логики некатегорическихъ сужденій. Гармоническая школа даетъ постепенный переходъ отъ естественнаго невѣдѣнія къ этой мудрости; а позитивно-схоластическая школа ведетъ къ ней развѣ лишь чрезъ катастрофическій кризисъ обанкротившагося сознанія.

Во всѣхъ случаяхъ долгъ учительства, долгъ каѳедры во всѣхъ ея видахъ (церковной, школьной и литературной), поднимать свѣточъ истины выше и выше, чтобы сильнѣе и сильнѣе освѣтить сомнѣвающихся свѣтомъ правды; а долгъ энергетической политикообщественности дать твердую разумную защиту несущимъ крестъ и науку отъ натиска какологократовъ.

5. Что касается философскихъ принциповъ *О. Конта*, то, повторяемъ согласно сказанному въ предыдущемъ моемъ рефератѣ, въ эти принципы проникло логическое «бревно», и то указываемое оппонентомъ обстоятельство, что онъ былъ математикъ, является доводомъ не за, а противъ признанія какой-либо особой цѣны за нимъ, какъ философскимъ и научнымъ авторитетомъ. Для него, какъ математика, особенно непростительно то, что онъ испортилъ превосходные математическіе принципы познанія интеллектуальнаго міра, заключающіе въ себѣ методы точнаго и глубокаго изученія біофизическихъ, соціалфизическихъ и мистеріофизическихъ явленій и взаимоотношеній. Человѣкъ по его интеллектуальнымъ свойствамъ и способностямъ есть существо колеблющееся, возвышающееся надъ состояніями животнаго агностицизма и переживающее разныя стадіи здравомысленнаго скептицизма, способнаго стремиться къ истинѣ. По отношенію къ этимъ колебаніямъ О. Контъ и его послѣ-

дователи и продолжатели сдѣлали въ своихъ принципахъ большой шагъ назадъ, въ сторону животнаго агностицизма и животнаго отношенія къ эмпиріи. Говоря все это, мы не осуждаемъ почтеннаго труженика О. Конта, но утверждамъ, что его принципы есть недоразумѣніе, которое надлежало навсегда сдать въ историческій архивъ при самомъ ихъ появленіи, такъ какъ они по отношенію къ познанію явленій интеллектуальнаго міра исходили изъ плохой логики животнаго агностицизма.

Напротивъ, Бюффона и Зюссмильха, которымъ принадлежитъ безспорное право на математическое обоснованіе нѣкоторыхъ незыблемыхъ, вѣчныхъ принциповъ математической логики, относящихся къ моральному мышленію и къ мыслемѣрному обоснованію дѣйствія, преждевременно сдавать въ архивъ, какъ «почтенныя историческія воспоминанія». Авторитетъ Бюффона особенно признается всѣми математиками, и та высокая оцѣнка, которая дана Бюффону въ книгѣ академика В. Я. Буняковскаго (признаваемаго за авторитетъ рецензентомъ *Z*, писавшимъ о моей монографіи отзывъ въ февральской книгѣ «Русской Мысли» и солидарнымъ съ оппонентомъ), остается вѣрною до сихъ поръ.

6. Въ заключительной части своего возраженія оппонентъ находитъ непонятнымъ содержащееся въ моей монографіи утвержденіе, выраженное въ словахъ: «самое происхожденіе (такихъ) *апріорныхъ* понятій и связанныхъ съ ними постулатовъ можетъ быть какимъ угодно: *эмпирическимъ* (!), умозрительнымъ или мистическимъ» (курсивъ въ этой цитатѣ и восклицательный знакъ принадлежитъ оппоненту). При этомъ оппонента удивляетъ въ моихъ устахъ «признаніе эмпирическаго происхожденія т. н. апріорныхъ идей». Но въ цитируемыхъ словахъ нѣтъ признанія, что апріорныя идеи имѣютъ *исключительно* эмпирическое происхожденіе. Въ этихъ взглядахъ я не расхожусь съ моими предшественниками (но расхожусь съ Кантомъ и многими другими философами - словесниками, которые категорически отдѣлили апріорное отъ эмпирическаго, каковая категоричность и здѣсь не вполнѣ умѣстна). Философы-математики (Декартъ, Даніилъ Бернули, Бейзъ и Присъ), идя оригинальнымъ самостоятельнымъ путемъ, еще къ серединѣ XVIII вѣка принципіально рѣшили вопросъ объ апріорныхъ и эмпирическихъ элементахъ познанія, служащій почему-то до сихъ поръ боевымъ вопросомъ у философовъ-діалектиковъ.

Это принципіальное рѣшеніе облечено Лапласомъ въ форму ученія о вѣроятностяхъ *a posteriori*, — ученія, тѣсно связаннаго также съ опредѣленіемъ той эластической связи некатегорическихъ (случайныхъ) явленій, которая называется *вліяніемъ* и которая играетъ большую роль въ мышленіи, какъ въ психологическомъ актѣ, и въ мірѣ некатегорическихъ положеній вещей. Принципами этого ученія математики широко воспользовались для приложенія къ выводамъ надежнѣйшихъ результатовъ изъ данныхъ наблюденій и измѣреній, къ вопросамъ о страхованіяхъ, о пенсіяхъ, о свидѣтельствахъ, о коллегіальныхъ судебныхъ и иныхъ рѣшеніяхъ и т. д. Если въ нѣкоторыхъ изъ этихъ приложеній были практическія несовершенства, то самые принципы, на которыхъ основанъ апріорно-апостеріорный или, иначе, умозрительно-эмпирическій методъ, опирающійся на ученіе о вѣроятностяхъ a posteriori, незыблемы и тверды. Историческое сужденіе здѣсь также получаетъ логическую опору, ибо апріорное и апостеріорное всегда относятся къ какому-либо данному факту, преходящему *во-времени*. Мышленіе, обсуждающее и повѣряющее апріорно-апостеріорнымъ путемъ связь вещей, можетъ послѣдовательно преобразовывать субъективныя категорическія и некатегорическія сужденія несовершеннаго ума, стремясь приблизить ихъ къ объективнымъ сужденіямъ всепроникающаго разума. Такое послѣдовательное извлеченіе «бревенъ» изъ глаза судящаго болѣе или менѣе возможно лишь при условіи тщательнаго и крайне осмотрительнаго отношенія къ свойствамъ фактовъ, свидѣтелей и историческихъ свидѣтельствъ.

Проще всего связь апріорнаго съ апостеріорнымъ выражается въ мірѣ категорическихъ положеній вещей (въ мірѣ физическомъ, механическомъ, психофизическомъ). Но сложнѣе эта связь выражается въ мірѣ некатегорическихъ положеній вещей (въ мірѣ интеллектуальномъ, аритмологическомъ, психоаритмологическомъ). Здѣсь имѣютъ мѣсто ряды некатегорическихъ сужденій, чередующихся такъ, что апостеріорное и эмпирическое переходитъ опять въ апріорное по отношенію къ послѣдующему. Пусть, напримѣръ, обсуждаются событія A, B, C, ..., соотвѣтствующія данному ряду партій въ шахматномъ турнирѣ мыслителя съ какимъ-нибудь противникомъ. Всѣ партіи, предшествующія данной послѣдующей партіи, создадутъ въ умѣ этого мыслителя апріорно-апостеріорную цѣпь вліяній на его сужденія. Эти сужденія бу-

дутъ отчасти эмпирическія; но по отношенію къ фактамъ новой предстоящей партіи они будутъ уже апріорными и умозрительными, ибо процессъ послѣдующей игры апокалиптиченъ, т.-е. полусокрытъ въ мысляхъ, чувствѣ и волѣ партнера, въ творчествѣ этого послѣдняго.

Шахматный турниръ, о которомъ мы говоримъ, можетъ продолжаться неопредѣленно, и все-таки будущее его развитіе не можетъ исчерпаться всею предшествующею апріоріей и эмпиріей, т.-е. дать процессу аналитическій (механическій) характеръ, дозволяющій полное предвидѣніе будущаго по апріорно-эмпирическимъ даннымъ. Если бы мыслитель, участвующій въ турнирѣ, увидалъ, что игра получила у его партнера аналитическій характеръ, то онъ, какъ аритмологъ, билъ бы этого автомата, предвидя аналитически, т.-е. во всей полнотѣ, будущіе его механическіе ходы. Этою механизаціею своего партнера онъ пользовался бы, какъ оплошностью, какъ ахиллесовою пятою и даже какъ позитивною глупостью, ставя ему ловушки и засады. Поэтому-то интеллектъ и не есть механическій аппаратъ, а психоаритмологическая субстанція, существенно отличная отъ механизма.

Очевидно, апріорія и эмпирія, какъ гносеологическія средства, по отношенію къ разобщенному интеллектуальному міру недостаточны, хотя бы ихъ сложить вмѣстѣ. Необходимы добавочныя гносеологическія средства для покрытія пробѣловъ познанія чужихъ свободныхъ категорій. Объ этихъ средствахъ сейчасъ скажемъ нѣсколько словъ. Но, кромѣ гносеологическаго покрытія чужихъ свободныхъ категорій, существуетъ еще динамическое покрытіе ихъ (волею и силою). Маломощный интеллектъ однако бываетъ вынужденъ разумно расходовать силу на динамическій процессъ.

Познающій свойства интеллектуальнаго міра долженъ къ апріоріи и эмпиріи присоединять, какъ особое гносеологическое средство, фантазію (интерполяцію и экстраполяцію) и свидѣтельства обособленныхъ интеллектовъ, давая имъ вѣру по ихъ личному качеству. Приходится, такимъ образомъ, добавлять, между прочимъ, *вѣроятности*, покрывающія апокалипсисъ, который составляетъ внутреннюю область обособленныхъ интеллектовъ и въ который *экстра-полирующій* умъ познающаго можетъ проникать лишь предположеніями возможностей. Разумное творчество обособленнаго интеллекта, обладающаго сферою свободы, всегда

полуприкрыто его апокалипсисомъ, въ которомъ онъ является распорядителемъ.

Энергетическій интеллектъ можетъ покрывать ту или другую часть апокалипсиса, принадлежащаго обособленному отъ него его «не-я», не только отдѣльно либо динамически, либо гносеологически, но и совмѣщеннымъ *гносеологическо-динамическимъ* процессомъ, т.-е. частію предвидѣніемъ по теоріи вѣроятностей при воздержаніи отъ силового дѣйствія (вслѣдствіе ли уваженія къ чужой свободѣ или же вслѣдствіе недостатка мощи), частью динамическимъ участіемъ, силою, которая имѣетъ цѣлію ограничить враждебныя свободныя категоріи или помочь слабому союзному интеллекту. Слѣдовательно, въ интеллектуальномъ мірѣ апріорное, апостеріорное, эмпирическое, умозрительное, апокалиптическое, даже мистическое и динамическое такъ чередуются другъ съ другомъ, что было бы странно что-либо исключить изъ этихъ гносеологическо-динамическихъ элементовъ или категорически отдѣлить одно отъ другого. При томъ существованіе апокалиптическаго процесса, въ которомъ играютъ роль эти понятія и идеи, есть *очевиднѣйшая* и *достовѣрнѣйшая* аксіома, находящаяся въ непосредственномъ полѣ нашего (интерполирующаго) сознанія, ибо мы, ощущая въ себѣ и въ своихъ близкихъ некатегорическія теченія мысли, обусловливающія свободу разума въ выборѣ идей, идеаловъ и цѣлей и свободу нашей воли, и вступая въ гносеологическо-динамическія взаимоотношенія съ нашими ближними, непосредственно переживаемъ на каждомъ шагу свои частные апокалиптическіе процессы, въ которыхъ сами мы являемся то распорядителями хода апокалиптическаго процесса, то подчиненными участниками его. Близкій намъ опытъ исторіи, соціальной физики и біофизики даетъ намъ убѣжденіе въ универсальности апокалипсиса, распространяемаго всюду, гдѣ есть умъ, воля и чувство.

Во всякой обособленной свободосвязи существуютъ свой частный интеллектуальный апокалипсисъ и тотъ энергетическій интеллектъ, который сознательно руководитъ его ходомъ. Насѣдка и цыплята, составляя свободосвязь, собираютъ кормъ въ теченіе дня болѣе или менѣе свободно. Но насѣдка руководитъ свободосвязью и предопредѣляетъ ей въ ея ходѣ особые пункты. Такъ, она знаетъ, что къ вечеру ея птенцы такъ или иначе соберутся подъ ея крыльями. Распорядителемъ государства, какъ свободосвязи, является

государь или вообще тотъ энергетическій интеллектъ, которому принадлежитъ суверенитетъ.

Аритмологическая мѣрная неопредѣленность чувствуется во всемъ интеллектуальномъ мірѣ и его движеніи. Она есть не дефектъ нашего познающаго ума (хотя субъективные дефекты у человѣка многочисленны), не слабость доказательства, а сущность познаваемыхъ вещей, свойство *ноуменовъ* (вещей въ себѣ). Паскаль сказалъ: «для человѣка вѣрить, сомнѣваться и отрицать то же, что для лошади бѣжать». Этотъ принципъ есть основа психологіи міра интеллектуальнаго, выраженіе некатегоричности міровыхъ взаимоотношеній, не покрываемыхъ по самой сущности аналитическимъ и эмпирическимъ процессомъ. Свидѣтельство откровенія необходимо.

Существованіе некатегорическихъ состояній интеллектуальнаго міра приводитъ логически къ вопросу о совершеннѣйшемъ Интеллектѣ, который ставитъ *объективныя* мѣры и опредѣленія категорическихъ и некатегорическихъ положеній и состояній и свидѣтельствуетъ о Себѣ. Геніи человѣчества чувствуютъ силу этого Интеллекта. Вибраціи міровой души посылаютъ всепроникающіе благодатные лучи, которые пересѣкаются съ лучами прочихъ интеллектовъ и ощущаются тѣми, кто умѣетъ къ нимъ прислушаться, заглушая въ себѣ низкотонныя вибраціи низменной чувственности.

Скептикъ, который сомнѣвается въ невидимомъ дѣйствіи міровой души, но не закрываетъ своего чувствилища, ранѣе или позже почувствуетъ мистеріофизическую истину, потому что онъ самъ погруженъ своимъ чувствилищемъ въ міръ, покрытый невидимыми лучами свѣта міровой души, которые ложатся разнообразно въ полѣ, называемомъ интеллектуальнымъ міромъ. Отъ Сѣятеля исходитъ только добро, которое некатегорическими состояніями или свободными категоріями интеллектуальнаго міра перецѣнивается въ автономныхъ сужденіяхъ лицъ и ими переработывается свободоволевымъ процессомъ по двумъ наклонамъ: къ добру и къ злу. Тою или другою оцѣнкою идеала и соотвѣтствующими дѣйствіями каждый зачисляетъ себя въ соотвѣтствующій разрядъ. Въ этомъ процессѣ происходитъ своего рода отборъ и мыслемѣрное приспособленіе, но не путемъ механической эволюціи, а *эволюціи аритмологической*, дающей *болѣе широкіе* предѣлы максимумовъ и минимумовъ блага (въ силу свойствъ аритмологіи). Разуму, чувству и волѣ каждаго принадлежитъ свобода усвоять то или другое изъ окружающихъ его вибрацій

2458.

интеллектуальнаго міра, пользоваться либо видимыми и невидимыми лучами благодати, либо неблаготворными вибраціями царства тьмы, т.-е. той свободы, которая, отрекаясь отъ благодати, соединилась вокругъ антитезисовъ истиннаго блага. Описать этотъ процессъ словами трудно. Діалектика, лишенная религіознаго культа, недостаточна для выраженія этихъ идей. Человѣческій языкъ съ его словомъ, цыфрами и всею книжностью, прицѣпляющеюся лишь къ психофизіологическимъ символамъ для интеллектуальнаго обмѣна, не можетъ сполна обнять этихъ глубинъ интеллектуальнаго міра. Человѣкъ всѣмъ своимъ даромъ *мыслящаго* художника-энтузіаста долженъ умѣть сливаться съ этими интеллектуальными глубинами, если хочетъ понять ихъ. Напротивъ, діалектика часто вызываетъ недоразумѣніе въ пониманіи этихъ вопросовъ. Болѣе того: безукоризненныя и художественно примѣненныя къ дѣлу грамматика, риторика и діалектика, долгое время бывшія орудіями схоластики и позитивизма, служатъ иногда глубокому затемнѣнію истины этихъ процессовъ, ясныхъ для религіознаго чувства. Языкъ иногда оказывается адвокатомъ какологократіи; а «хорошо сдѣланныя головы», о которыхъ говорилъ еще философъ Монтенъ и напоминалъ также Лапласъ, слушаютъ иногда эту «мелодію» съ гордостью, стыдясь истинно прекраснаго. Вотъ почему простые и даже безграмотные люди иногда бываютъ мудрѣе такъ называемой «интеллигенціи», прошедшей схоластическо-позитивную школу, дающую часто людей, которые искусно изображены въ отрицательныхъ типахъ Ѳ. М. Достоевскаго, гр. Л. Н. Толстого и другихъ.

Высшій энергетическій Интеллектъ (Богъ) является распорядителемъ мірового интеллектуальнаго апокалипсиса, не попуская гносеологическо-динамическимъ путемъ свободосвязному міру уклониться за предустановленные предѣлы. Въ раскрытіи некатегорическихъ состояній мірового процесса съ теченіемъ временъ апокалипсисъ постепенно получаетъ развязку, *возможное* переходитъ въ состоявшееся, *становится*. Въ общемъ ходѣ историческаго процесса раскрывается предъ нами, поверхъ всѣхъ прочихъ вліяній, Промыслъ Божій. Съ человѣческой точки зрѣнія Божество есть, какъ выражается Влад. Соловьевъ, Богъ *исторіи*, Богъ *становленія*.

П. А. Некрасовъ.

Дозволено цензурою. Москва, 10 января 1904 г.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко «Москва»

2018693808